
УДК 81'255.2

ББК 81.07

А 54

Алхасова С.М.

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН; e-mail: alkhas55@mail.ru

Национальное своеобразие подлинника и перевода

(Рецензирована)

Аннотация:

Рассматриваются вопросы теории и практики художественного перевода на примере перевода рассказа современного кабардинского писателя Ахмедхана Налоева. Отмечается, что использованные приемы перевода отвечают определенным оценочным критериям. Показано, что органическое единство писателя и переводчика приводит к системной эквивалентности и адекватности переводов. Установлено, что в переводе рассказа А.Налоева отразились наиболее типичные способы и методы современного перевода с кабардинского языка на русский.

Ключевые слова:

Проблемы перевода, новое время, кабардинская литература, постсоветская, философия, этап, культура.

Alkhasova S.M.

Doctor of Philology, Leading Scientist, Institute of Humanitarian Researches, the Government of KBR and KBNTS RAN; e-mail: alkhas55@mail.ru

National originality of the original and translation

Abstract:

The paper addresses the questions related to the theory and practice of a literary translation using an example of translation of the story by Kabardian modern writer Akhmedkhan Naloyev. It is noted that the methods used to translate the story answer certain estimation criteria. The organic unity of the writer and the translator is shown to result in system equivalence and adequacy of translations. It has been established that the most typical ways and methods of modern translation from the Kabardian language into Russian were reflected in the translation of the story by A.Naloyev.

Keywords:

Translation problems, new time, Kabardian literature, Post-Soviet, philosophy, stage, culture.

Любое художественное произведение несёт на себе отпечаток характерных черт определенной нации, национальную особенность, обусловленную языком, историей, культурой, мировоззрением, психологией, обычаями и традициями, ха-

рактером поведения и т.д. Национальный с эстетических позиций своего народа пишет о насущных проблемах общества. Главной задачей любого национального художника слова является показ человека национального, его духовного мира, его

взаимодействия с окружающей ему средой. Следовательно, «национальное своеобразие оригинала находит своё отражение в тематике, идее, передаче образных выражений, лексико-синтаксического строя языка, эмоционально-оценочных выражениях» [1: 61].

Умение переводчика с кабардинского на русский (в данной статье речь пойдет именно о таком виде перевода) адекватно отразить содержание жизни отдельно взятого (в данном случае, кабардинского) народа, представленного в оригинале, показать его в том виде и в той форме, в какой он существует, - это и есть передача национального своеобразия на другом языке.

Национальная особенность выражается, прежде всего, в национальной форме. С другой стороны, чем произведение национальнее, тем труднее оно поддается переводу. Известный теоретик перевода И.Кашкин писал: «Национальная форма передается не искажением языка, на который переводится данное произведение, не прилаживанием этого языка к чужим грамматическим нормам, не гримировкой, костюмерией и буафорией «под местный колорит». Национальная форма передается глубоким проникновением в самую суть национального и социального своеобразия народа, убедительным раскрытием того, как в литературе это выражение психической общности нации осложняется индивидуальным своеобразием стиля автора и изображаемых персонажей» [2: 57].

Итак, проблема сохранения адекватности и эквивалентности связана с сохранением национальных особенностей оригинала в переводе, которая всегда оставалась одной из важных проблем. Об этом писали В.Белинский, Н.Чернышевский, К.Зелинский, Г.Гачечиладзе, В.Комиссаров, А.Попович, В.Бархударов, М.Ломидзе, Н.Джусойты и многие другие теоретики перевода.

Суммируя высказывания видных теоретиков перевода по вопросу сохране-

ния национальных особенностей в переводных художественных текстах, можно сформулировать следующий вывод: во-первых, понятие «национальное своеобразие» или «национальная особенность» тесно связано с «национальной формой», включающей колорит, национальную черту, характер, и т.д. Во-вторых, оно подразумевает полнокровную и адекватную передачу формы и содержания переводимого текста: темы, национального характера, быта, психического склада ума, поведения персонажей, национального мировоззрения, индивидуального авторского почерка и т.д.

Существует немало проблем при переводе с кабардинского на русский и с русского на кабардинский языки. К примеру, у переводчиков, работающих в области кабардино-русских и русско-кабардинских переводов, в разные периоды встречались довольно сомнительные критерии, когда удачным считались переводы, воспроизводящие национальную атрибутику, так называемую «экзотику». Так, в русских переводах с кабардинского эта атрибутика непременно выступала в виде кинжала, гор, коня и удалого горца, лихо скачущего на этом коне. В результате появлялись поверхностные до примитивизма переводные тексты. Следующая трудность, связанная с сохранением национального своеобразия при переводе художественного произведения (об этом мы неоднократно писали) заключается в различии грамматического строя кабардинского и русского языков, относящихся к совершенно разным языковым системам. И.Кашкин отмечал: «Переводчику, который в подлиннике сразу же наталкивается на чужой грамматический строй, особенно важно прорваться сквозь этот заслон к первоначальной свежести непосредственного авторского восприятия действительности. Только тогда он сможет найти настолько же сильное и свежее языковое переосмысление» [3: 34].

В качестве яркого примера перево-

да с кабардинского на русский, связанного с приведенными выше особенностями хотелось бы привести наш опыт перевода рассказа Ахмедхана Налоева «Джэду шырищ» (дословно - «Три котёнка»). Начиная с названия рассказа, который мы перевели как «Серая кошка с тремя котятками», нам пришлось внести такие изменения, которые были продиктованы характером основной содержательной части рассказа, а также сохранения национально - специфических черт оригинала на языке перевода. В переводе мы стремились также сохранить собственный почерк Ахмедхана Налоева как автора, строй и систему его речи, его художественное мировидение и мировосприятие, чтобы не растерять принадлежность его к кабардинской литературе.

С тем, чтобы не потерять национальное своеобразие произведения, при переводе данного рассказа мы позволили взять на себя функции и переводчика, и редактора: пришлось внести некоторые изменения на русском, что-то убрать, а что-то дополнительно объяснять. Подчас нам приходилось в определенной степени «отходить» от оригинала с тем, чтобы приблизиться к нему и как можно лучше и вернее передать национальные особенности текста. К примеру, мы решили убрать из этого рассказа первые две страницы полностью: в них описываются картины рабочих будней приехавших на помощь колхозу горожан. Автор подробно распространяется о том, как с ленцой, кое-как работают студенты, которые «проедают больше, чем зарабатывают». На эту тему в переводе говорится в трёх предложениях.

Далее мы позволили себе убрать ещё две страницы растянутых описаний, осложненных множеством вводных слов и оборотов, где стрелочник Истепан, пенсионер, уподобляясь крупному теоретику литературы или опытному писателю, пространно рассуждает о современной литературе, о муках творчества, о соотношении художественного вымысла с правдой жизни и прочее. Мы посчитали, что эти темы

– самостоятельные, и пригодны для других, отдельных рассказов. Однако оставили эпизод, в котором Истепан поведал Нафруз о своей тайной страсти к художественному письму в пяти предложениях.

Главная героиня рассказа - Нафруза, немолодая, потеряв в войну любимого, так и не вышла замуж, осталась девушкой, гордой и верной любимому. Ходит она, то в шинели, то стёганке да кирзовых сапогах: Вот как она в разговоре со стрелочником Истепаном сама говорит о себе: *«Уэр цхъэкIэ, Степа, «силлц» жыслэу дауэ мы си сапохыжъитIыр дауэ лъысхыну, си клагуэжъыр цысхыу дауэ зыстIэцIыну?! Хъэмэ, сэ сьт си фыз? Фыз сыпхуэхъужыну сэ? Мы хъыджэбз цIыкIу къэкIуахэр си хъумакулэу кьоупцI: «Нафруз цIыхухъу, хъэмэ цIыхубз?» - жалэри»* – «Баба она или мужик, издали и не поймёшь. Истепан помнит её первой здесь красавицей. Снять бы с неё стёганку, кирзовые сапоги, юбку из чертовой кожи, да в шелка, да в мягкие сапожки, тогда хоть на сцену выводи! –Эй-и-и, Истепан, - протяжно, скорбно так говорит она, - иногда я сама тоже думаю: Кто я теперь? Как бы уже и не женщина! Нету у меня такой признак».

Страдает Нафруза, нет-нет, да и заговорит о детях, о детях, которых и не было у неё никогда. Раз замуж не вышла (из-за проклятой войны не вышла!), откуда взяться детям. На вопрос, чего она хочет в жизни, отвечает своему другу Истепану: *«Зы бын закъуэ... – Сьт бын? - Сьтми, къуэми пхъуми. Бынынишу сызэрылIэнуу цхъэкIэ ауан зызоцIыж. Дыхъэшхэн, Степа, ар – бынынишэу улIэну? Упсэуай, умыпсэуай, бын уи пIэкIэ дунейм къытумынэм? Бын къызыцIэмын хъэдэр ауаниц, золэ. Япэ сищауэ сэ ауан зысцIыжу арац»* – «...Ребенка,- вдруг отвечает Нафруза. – Какого? – спросил Истепан. Глупо спросил, от ратерянности, не ожидал от неё прямого слова. – Хоть какого: сына, дочку. Я иногда смеюсь над собой,- и, словно показывая, как она над

собой смеётся, Нафруза склонила голову к самому столу. От хитрости склонила, чтобы скрыть от гостя, какие у неё сейчас глаза, в каких они сейчас слезах».

В рассказе автор вновь обращается к песне, в которой поется о не вышедшей замуж девушке. Отрывок этой песни приводится в качестве эпиграфа ко всему рассказу. «Подобные народные песни имеют под собой наглядную фольклорную основу» [4:49]. Этим автор обозначает главную тему рассказа: это народная песня, которую пели (предположительно) воины Кавказской конной дивизии в Великую Отечественную: «*Нацдивизэр /эцхьэ плъыжыщ, /упэ плъыжьу хьыджэбз дахэр Ильэс хьыц/у кьыдонэж*» - «В нацдивизии все краснорукавники, красны губы у девушки-красавицы, в шестьдесят лет остаётся девушкой...» [5: 4].

При переводе мы стремились вывести на первый план наиболее драматичный мотив рассказа, сделав его более выпуклым. Речь идёт об удивительной находке автора, содержащей элементы трагичности. Трагичность и весь драматизм событий заключаются вовсе не в показе послевоенной разрухи. Читателю преподносится любопытная метафора, одновременно проводится параллель между бездетной, одинокой, страдающей в «перезрелом» возрасте по детям, которых никогда не было, женщиной, Нафрузой, и её умиротворенной, «блаженствующей» кошкой, кормящей своих троих котят. Рассказ начинается и заканчивается описанием этих греющихся под теплыми лучами солнца серой кошки с котятками. Более того, в течение всего рассказа кошка с котятками не только присутствуют во всех эпизодах рассказа рядом с Нафрузой, но по-своему то и дело реагируют на всё происходящее вокруг. Заканчивается рассказ опять же описанием семейства серой кошки, блаженно греющейся в лучах солнца. Эта параллель умело используется автором для того, чтобы создать более сильный контрастный фон для главной героини и оттенить её

страдания, её несостоявшуюся женскую судьбу: «*Гьуэлъып/экум джэду анэ гьуа-жэ дахэ, и льякьуип/ри дьгьэ бзийм ху-дригьэзезауэ, илъиц, мэцхьэукьуэри. Ар джэду шырищым кьагуф/ыхь , гу кьы-хэщт лъэпкь ямы/эу. Гьуэлъып/э цабэм илърэ бжьыхьэпэ дьгьэ гуапэр зытесэу и анэ цхьэукьуэм цыхуейм ц/эфу, цыху-ейм и шыпхьухэм ефьиц/ауэу джэду шыр гукьеауэниэм и джэзук/эр телъыджэу мамырыгьэ уигу кьызылхьэ теплъэгьу-эц, гур цабэ зыц/ дахагьэц, быныр, хэт и бынми, гуапэ, псэм пэльытэу /эф/ зыц/ гьац/э бзий к/апэц – «..Тут всегда много света и тепла, и в этом тепле, жмурясь от яркого света, блаженствует красивая серая кошка со своими котятками. Лежит, растопырив лапки, чуточку как бы дремлет, то слабо посапывая, то мурлыкая негромко, а её котята напились молочка и теперь кувыркаются в ярком солнечном свете. Нет только старого кота, отца семейства, на охоту ушёл».*

Итак, как видно из нашего перевода, мы не сохранили некоторые формальные особенности оригинального текста. В некоторых случаях мы отступали от него, исключая некоторые эпизоды и рассуждения героев. Возможно, найдутся критики, которые могут упрекнуть нас за это. Но в данном случае наш подход к адекватному переводу был подчинен более серьезной задаче – передать эквивалентно национальную особенность и, главное, художественное содержание переводимого текста. Итак, если бы мы переводили текст, слово за словом, предложение за предложением, не отступая от него, эквивалентно передавая смысл и содержание этих предложений, а также эпизодов и картин, - рассказ на русском языке потерял бы адекватность оригиналу, почерк автора, в конечном итоге, привнес в рассказ только банальность.

По мнению адыгейского литературоведа К.Шаззо, чем больше произведение насыщено специфическими особенностями народной жизни, тем ярче проявляется в нем национальное своео-

бразие [6: 2]. На наш взгляд, национальное своеобразие художественного текста на языке оригинала обусловлено, с одной стороны, выражаемым им содержанием, а с другой – формой, включающей в себя языковые возможности, которые являются плотью и кровью оригинала.

«Национальное своеобразие – вполне конкретная особенность любого художественного произведения, выражающаяся в образах, в характерах и поступках героев, в идиоматических выражениях» [7: 26]. И когда национальное своеобразие заключено не только в психологии героев,

их поступках, а в идиомах, метких словах и изречениях, сочетающихся с национальной спецификой образов, задача переводчика намного усложняется. Что и показал наш перевод рассказа Ахмедхана Налоева «Джэду шырищ» [8].

Перевод рассказа показал, что адекватность имеет более широкий смысл, который обеспечивает необходимую полноту в конкретных условиях. В отличие от адекватности, эквивалентность ориентирована, прежде всего, на результат. В данном случае мы рассматривали эквивалентность как особый случай адекватности.

Примечания:

1. Алхасова С.М. Становление и развитие художественного перевода в кабардинской литературе. Изд-во КБНЦ РАН, 2006 - С. 176.
2. Кашкин И.А. Ложный принцип и неприемлемые результаты. – Иностранные языки в школе, 1952, №2 - С. 283.
3. Кашкин И.А. В борьбе за реалистический перевод. – В сб.: Вопросы художественного перевода. – М.: Сов. Писатель, 1955 - С. 126.
4. Р.Б.Унарокова. Песенная культура адыгов: эстетико-информационный аспект. М., ИМЛИ РАН, 2004 – С. 220.
5. К сожалению, мы не успели уточнить у автора, из какого источника взята была эта песня. В эпиграфе Ахмедхан Налоев просто указывает: «Адыгская песня». Возможно, её пели «катхановцы» в гражданскую войну; возможно, она стала известной в русско-японскую войну, в которой участвовала 115-я нацдивизия. А возможно, это была песня конной дивизии из Кабардино-Балкарии, называемая «Кавдивизией», воевавшая на фронтах Великой Отечественной войны.
6. Шаззо К. Зрелость таланта //«Адыгейская правда», 1986, 14 февраля.
7. Тодоров Ц. Теория символов (перевод с болгарского). М., 1998 - С. 239.
8. Нало Ахъмэдхъэн. Джэду шырищ. – См.: Тхыгъэхэр, япэ том. Хыбархэмрэ повестхэмрэ. Н., «Эльбрус», 1993 - С. 163.

References:

1. Alkhasova S.M. Formation and development of the literary translation in the Kabardian literature. RAN KBNTS Publishing house, 2006. – P. 176.
2. Kashkin I.A. A false principle and unacceptable results. – Foreign languages at school, 1952, No. 2. – P. 283.
3. Kashkin I.A. In the struggle for realistic translation. – In the coll.: The problems of literary translation. – M.: Sov. writer, 1955. – P. 126.
4. Unarokova R.B. The song culture of the Adyghe: an aesthetic and information aspect. M., IMLI RAN, 2004. – P. 220.
5. Unfortunately, we didn't manage to ask the author what source this song was taken from. In the epigraph Akhmedkhan Naloyev says: «An Adyghe song». Probably, it was sung by

«katkhanovets» in the civil war time; probably, it became known in the Russian-Japanese war time in which the 115th national division took part. And it is also possible that it was the song of the horse division from Kabardino-Balkaria, named «Kavdivision», fighting on the fronts of the Great Patriotic war.

6. Shazzo K. The maturity of talent // The Adygheyskaya Pravda, 1986, February, 14.
7. Todorov Ts. The theory of symbols (translation from Bulgarian). М., 1998. – P. 239.
8. Нало Ахъмэдхьэн. Джэду шырищ. – См.: Тхыгъэхэр, япэ том. Хыбархэмрэ повестхэмрэ. N., «Elbrus», 1993. – P. 163.